

два
авторитета.
Одна
фельдшер.
И никакого
снокойствия.

ФЕЛЬДШЕР

для

АВТОРИТЕТОВ

ТЮРЬМА. РЕВНОСТЬ. ЛЮБОВЬ.

18+

МегаМегафон

Фельдшер для Авторитетов

«Автор»

2026

МегаМегафон

Фельдшер для Авторитетов / МегаМегафон — «Автор», 2026

В СИЗО появляется новый фельдшер — молодая, дерзкая Анна Смирнова. Она сразу привлекает внимание двух главных авторитетов учреждения: Андрея «Хирурга» Серова, опасного рецидивиста, берущего силой, и Вадима «Лиса» Орлова, хитрого «экономиста», действующего подкупом и связями. Оба пытаются подчинить её, но Анна даёт жёсткий отпор каждому, используя ум, хладнокровие и профессиональный статус как оружие. Она объявляет себя «нейтральной территорией» — незаменимым медицинским работником, трогать которого себе дороже. Её отказы не останавливают авторитетов, а лишь разжигают азарт. Хирург и Лис, давние конкуренты, теперь видят в Анне не просто женщину, а ценный трофей и способ доказать своё превосходство. Начинается опасное противостояние двух «волков» за обладание «нейтральной Швейцарией», которое грозит перерасти в войну.

© МегаМегафон, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Хирургическое вмешательство	6
Глава 2. Конкуренты	9
Глава 3. Исповедь фельдшера	12
Глава 4. Медицинское вмешательство	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

МегаМегафон

Фельдшер для Авторитетов

Фельдшер для авторитетов

Глава 1. Хирургическое вмешательство

Слухи в СИЗО распространяются быстрее, чем вирус гриппа в детском саду. У них нет ног, но они просачиваются сквозь решетки, впитываются в бетон стен и разносятся сквозняками по коридорам.

К обеду весь отряд «медведей» уже знал, что в медкабинете сегодня не Анна Павловна, с ее вечно дрожащими руками и испуганным взглядом, а кто-то новый. Молодая. Девка. Говорят, даже симпатичная.

Для Андрея «Хирурга» Серова, который уже почти год ждал приговора, это была просто информация, не стоящая внимания. До тех пор, пока Колян, шестерка с соседней шконки, не подал идею:

— Хирург, а че мы как лохи? Баба же новая, не знает порядков. Может, у нее барбитуратов попросить? Для авторитета? А не даст — припугнем маленько?

Хирургу было сорок. За плечами — две ходки, третий срок и репутация человека, с которым лучше не пересекаться даже на воле. Его боялись не за бычьи габариты (он был жилист, поджар и опасен, как сжатая пружина), а за ледяное спокойствие и умение решать вопросы без лишнего шума. Кличку свою он получил не за любовь к медицине, а за то, что предпочитал «оперировать» людей заточкой, когда разговоры заканчивались.

— Цыц, — бросил он, даже не взглянув на Коляна. Но мысль зацепилась. Не из-за барбитуратов. Просто стало любопытно, что за птица прилетела в это осиное гнездо.

— Конвой! — коротко бросил он, и через минуту вертухай уже стоял у решетки. Авторитет Хирурга работал безотказно. — Приведи мне эту... новую. Из медкабинета. Скажи, осмотр требуется.

Через десять минут дверь камеры лязгнула, и на пороге появилась она.

Маленькая, хрупкая на первый взгляд. Лет двадцать пять, не больше. Русые волосы стянуты в тугой узел на затылке, взгляд серых глаз — цепкий и наглый. Форменный халат сидел на ней ладно, но не по-казенному, а с какой-то своей, особой посадкой. Ни тени страха или того привычного холуйства, которое Хирург привык видеть у персонала.

— Кто требовал врача? — спросила она, окидывая взглядом камеру и останавливая его на Хирурге. Интуиция сработала безошибочно.

— Я требовал, — Хирург сидел на нижних нарах, откинувшись на стену. Голос низкий, ровный, как работающий мотор. — Проходи, доктор.

— Я не доктор, я фельдшер, — она даже не шагнула внутрь, оставшись на пороге, будто отделенная невидимой линией. — И осмотр проводится в медкабинете. Если у вас жалобы — пишите заявление. Приду завтра на обходе.

В камере повисла тишина. Колян и остальные двое сокамерников замерли, ожидая, как Хирург раздавит эту наглую муху. Так с ним никто не разговаривал. Тем более здесь, в его «берлоге».

— Ты че, дура? — подал голос Колян, чувствуя поддержку. — Тебя Хирург позвал, значит, иди сюда.

Она перевела взгляд на Коляна, и в нем мелькнуло такое презрение, что Колян непроизвольно сжался.

— А ты вообще кто такой, чтобы с врачом разговаривать? — отрезала она. — Сидишь здесь, срок мотаешь. Тебе же лучше, чтобы я здоровая была и на ногах держалась. А если меня здесь контузят или, не дай бог, что похуже, пришлют другую. И будет это не молодая девчонка, а дядька Вася с похмелья, который на твои «ой, спина болит» даже смотреть не станет, а выпишет тебе димедрол с анальгином и пойдет чай пить. Думай, Колян, прежде чем рот открывать.

Она снова повернулась к Хирургу. Тот слушал, чуть склонив голову набок, и в его глазах загорелся странный, хищный огонек. Ему давно уже никто не давал такого отпора.

— Жалобы? — холодно повторила она.

— Спина, — коротко бросил Хирург, просто чтобы что-то сказать.

— Пейте таблетки, которые вам прописал врач на прошлой неделе. Если не помогают, пишите заявление. А гонять конвой, чтобы разглядывать новый персонал, — непроизводительная трата рабочего времени. Всего доброго.

Она развернулась и постучала в дверь, чтобы конвой открыл. Камера проводила ее взглядом, полным изумления.

— Ну ни хрена себе... — выдохнул кто-то.

Хирург молчал, переваривая. Дерзкая. Очень дерзкая. И *** умная. Сразу построила всех, расставила приоритеты, ни на миллиметр не переступив черту. Не испугалась. Это зацепило его сильнее, чем любой вызов.

Прошел час. Может, два. В камере играли в карты, переговаривались вполголоса, но атмосфера была напряженной. Хирург сидел, уставившись в одну точку на стене, и думал о ней. Кто она? Откуда взялась? И главное — какого черта она его так задела?

Не выдержав, он поднялся.

— Конвой!

Когда вертухай подошел, Хирург произнес всего одну фразу:

— Мне к врачу. Срочно.

В этот раз он сам пришел к ней. Медкабинет был крошечным: кушетка, стол, шкаф с лекарствами. Она сидела за столом и что-то писала в журнале. Услышав шаги, подняла голову. Увидела его одного, без конвоя с той стороны двери, и бровь ее удивленно поползла вверх.

— Ты же просила заявление, — сказал Хирург, закрывая за собой дверь. Щелчок замка прозвучал в тишине недвусмысленно. — Я написал. Устное.

Она не отшатнулась, не вскочила. Медленно отложила ручку, откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. Между ними был только старый письменный стол, но это не имело значения. Здесь, в его мире, он был королем.

— Серов, — сказала она спокойно. — Проход к врачу без конвоя запрещен. Вы нарушаете режим.

— Мне плевать на режим, — он сделал шаг к столу. — Мне интересно другое. Ты кто такая?

— Фельдшер Смирнова. Для вас — Анна Андреевна.

— Для меня — никто, — усмехнулся он, сверля ее взглядом. Он подошел к столу вплотную, оперся о него руками, нависая над ней. — Ты здесь одна. Со мной. В моей вотчине. Ты хоть понимаешь, что я с тобой могу сделать?

Их глаза встретились. Она не отвела взгляд. В ее серых глазах не было ни паники, ни мольбы. Только ледяная, колючая решимость.

— Понимаю, — ответила она так же тихо. — Вы можете меня ударить. Можете изнасиловать. Можете даже убить, если успеете до того, как конвой выломает дверь. Это займет минуту, может, две. А потом...

Она сделала паузу, и в этой паузе повисла такая тяжелая угроза, что даже Хирург напрягся.

— ...потом приедут люди в погонах. Не просто конвой, а те, кто пишет бумажки. И начнутся вопросы. Зачем Серову, которому через полгоса светит вышка за тройное убийство, понадобилось добавлять себе еще один эпизод? За убийство сотрудника медчасти во время следствия ему дадут не вышку, а пожизненное. Вы же умный человек, Серов. Вы же Хирург. Зачем вам резать того, кто может заштопать? Я вас не боюсь. Я здесь работаю. А вы здесь сидите. И пока я здесь работаю, ваше здоровье — в моих руках. Так что выбирайте: угрожать

мне или, может, попросить валидол? А теперь, — ее голос стал жестче, — пошел вон из моего кабинета.

Она снова взяла ручку, как будто его здесь не было, и уткнулась в свои бумаги.

Хирург стоял, не веря своим ушам. Его. Выставили. Как нашкодившего пацана. И самое безумное — она была права. Абсолютно, по-хирургически точно права. Риск не стоил результата.

Он смотрел на ее макушку, на то, как она старательно выводит буквы, и чувствовал странное, давно забытое чувство. Уважение. И еще кое-что. Азарт. Хищный, пьянящий азарт охотника, который наткнулся на дичь, способную дать отпор.

— Ну что ж, — сказал он наконец, и в его голосе прорезались бархатные, опасные нотки. — Валидол мне пока не нужен. А вот ты, Смирнова Анна Андреевна... ты мне очень нужна. Я еще вернусь. Не за таблетками.

Он развернулся и вышел, оставив дверь открытой. Конвой, стоявший на расстоянии, удивленно уставился на него. Хирург, не оборачиваясь, пошел к своей камере.

Она не обернулась ему вслед. Только когда шаги стихли, ручка в ее пальцах дрогнула, оставив кляксу в журнале.

Война, только что начавшаяся, обещала быть долгой. И личной.

Глава 2. Конкуренты

Хирург вернулся в камеру сам не свой. Не бил морды, не матерился, не метался. Он просто сел на свои нары и уставился в стену с кривой, какой-то даже довольной усмешкой. Колян, наученный горьким опытом, лезть с расспросами не решился. Только переглянулся с другими «медведями»: «Что-то с Хирургом не то. Либо перегрелся, либо баба его зацепила. Ох, не к добру».

Слух о том, что новенькая фельдшер выставила самого Хирурга из медкабинета, как провинившегося школяра, разнесся по СИЗО со скоростью лесного пожара. В зоне, где любое событие — пища для разговоров, это было блюдо высшей пробы. Обсуждали вполголоса, смакуя детали: «И что он ей?», «А она ему?», «Не, ну ты представляешь, этому козлу — и отказать?».

Эти разговоры долетели до корпуса «Б», где располагался отряд «волков». И дошли до ушей того, кто в этом СИЗО был единственным человеком, способным смотреть на Хирурга без дрожи в коленях.

Его звали Вадим «Лис» Орлов.

Лис был ровесником Хирурга — под сорок. Но если Серов был танком, ледяным и неудержимым, то Лис был тонкой отмычкой. Хирург брал силой и авторитетом, Лис — хитростью и связями. Он шел по «экономической» статье, но за плечами у него было столько темных дел, что хватило бы на небольшой детективный сериал. В СИЗО он чувствовал себя как рыба в воде: у него были деньги на передачках, адвокаты, которые привозили кофе из дорогих кофеен, и «смотрящие», которые пили с ним чай. Хирурга он уважал, но побаиваться не привык. Они существовали в разных весовых категориях, которые, однако, иногда пересекались.

Услышав историю про фельдшера, Лис не усмехнулся, как другие. Он сощурился, и эта его лисья, хитрая полуулыбка заставила его приближенных замереть.

— Интересная девушка, — протянул он, поглаживая коротко стриженный затылок. — Хирурга завернула? Ай да молодец. Надо бы познакомиться. У меня как раз спина что-то прихватило. Давление, знаете ли, нервы. Сгоняйте-ка, мальчики, до медчасти. Скажите, Орлов требует. Вежливо так. С уважением.

«Мальчики» сгоняли. Вернулись быстро и почему-то бледные.

— Ну? — Лис приподнял бровь.

— Вадим Сергеич, — замялся один из шестерок. — Она... того. Сказала, что если у вас спина болит, то у вас есть ноги, чтобы дойти до медкабинета в часы приема. А если вы думаете, что она официантка, чтобы по камерам бегать, то вы ошиблись адресом. И добавила... — он сглотнул. — Добавила, что если у вас «крыша поехала от нажористых передачек», то пусть конвой ведет вас не к ней, а к психиатру.

В камере «волков» повисла мертвая тишина. Потом кто-то всхлипнул, пытаясь сдержать смех. Лис медленно повернул голову к говорившему. Смех замер на корню.

Но, к всеобщему удивлению, Лис не разозлился. Он откинул голову назад и расхохотался. Коротко, каркаяще, но искренне.

— Ах, сучка! — восхищенно выдохнул он. — Какая же сучка! Хирурга послала, меня послала. С характером. Я таких люблю.

Глаза его заблестели недобрым, азартным блеском. Конкуренция с Хирургом была для него привычной игрой. Но конкуренция за женщину, которая не боится ни того, ни другого, — это было нечто новое. Это пахло большой кровью и большим удовольствием.

— Ну что ж, — сказал Лис, поднимаясь с нар и поправляя дорожную, хоть и тюремную, спортивную кофту. — Визит вежливости не удался. Придется наносить визит официальный. Эй, конвой!

Через пятнадцать минут Лис, в сопровождении конвоира, стоял на пороге медкабинета. Он не ломился, как Хирург. Он вошел тихо, элегантно, и сразу заполнил собой все пространство. Дорогой парфюм (каким образом он просочился в СИЗО — загадка), ухоженные руки, внимательный, чуть насмешливый взгляд.

Анна сидела за столом и чистила скальпелем яблоко. Увидев его, она даже не вздрогнула. Только отложила яблоко и взяла скальпель поудобнее, положив его на стол перед собой. Жест был красноречивее любых слов.

— Добрый вечер, — мурлыкнул Лис, присаживаясь на край кушетки, как к себе домой. — Анна Андреевна, если не ошибаюсь? Я Вадим. Для своих — Лис.

— Я догадалась, — кивнула она на его кофту, явно не казенного образца. — Очередной «пациент» с больной спиной? Или с больным самомнением? Учитывая, что час приема давно прошел, склоняюсь ко второму.

Лис усмехнулся. Она не просто не боялась — она играла. Сразу взяла быка за рога.

— С самомнением у меня все в порядке, спасибо. А вот любопытство — да, разыгралось. Ходят слухи, что вы тут с Хирургом не ладили. С мужиком, который заточкой орудует лучше, чем вилок. И ничего, живы, здоровы. Это вызывает уважение.

— Мне все равно, чем он орудует, — пожала плечами Анна. — Здесь я орудую скальпелем и шприцем. И от моего орудования зависит, будет ли у него и у вас, — она кивнула на Лиса, — шанс дожить до приговора без заражения крови или гангрены. Я — нейтральная территория. Как Швейцария. Нарушишь нейтралитет — останешься без медицинской помощи. А в вашем возрасте, Вадим, здоровье — это уже не шутки.

Лис прищурился. Она ткнула его в возраст? Смело. Очень смело.

— А если я не собираюсь болеть? Если я просто хочу... познакомиться поближе? — он поднялся с кушетки и сделал шаг к столу. Его тон стал вкрадчивым, почти ласковым. — Такая женщина, как вы, в таком месте... Это же бриллиант в навозной куче. Я могу многое. Захочу — переведут тебя в другой корпус, потеплее. Захочу — передачи будут каждый день. Адвокаты, связи... И никто не тронет. Ни я, ни Хирург, ни другие. Слово даю.

Он говорил красиво, убедительно. Анна смотрела на него и видела не человека, а хорошо отлаженную машину лжи и манипуляции.

— Красиво поете, Вадим, — она отложила скальпель и встала, оказавшись с ним лицом к лицу. Разница в росте была существенной, но она смотрела на него снизу вверх без тени подострастия. — Только я не бриллиант и не навозная куча. Я фельдшер. И у меня есть клятва. Не та, которую дают в институте, а та, которую я дала себе: не бояться и не продаваться. Вы можете предложить мне золотые горы, а можете пригрозить, что порежете на кусочки. Результат будет один.

— Какой же? — Лис наклонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то опасное.

— Такой, что завтра на обходе я напишу рапорт начальнику СИЗО, что у вас, Орлов, наблюдаются признаки параноидального расстройства на почве длительной изоляции. И отправите вы лечиться не на нары, а в психушку при тюрьме. А там, говорят, режим строже и условия поуже. И никакие передачи не помогут. Ну что, продолжим разговор?

Лис смотрел на неё, и в его груди боролись два чувства: бешенство от того, что его, Лиса, так ловко переиграли, и дикое, животное восхищение. Она была идеальна. Умна, хитра, бесстрашна. И она только что обыграла его на его же поле.

Он медленно поднял руки в примирительном жесте.

— Сдаюсь, — усмехнулся он, но усмешка вышла кривой. — Вы правы, Анна Андреевна. Швейцария, так Швейцария. Но знаете... — он шагнул к двери и обернулся уже на пороге. — В Швейцарии тоже случаются войны. И нейтралитет — штука хрупкая. Особенно, когда на неё претендуют двое.

Он вышел, оставив дверь открытой.

Анна перевела дух и села обратно за стол. Руки слегка дрожали. Двое. Два матерых волка, два авторитета положили на неё глаз. И если Хирург был грубой, прямой силой, то Лис был силой коварной, обволакивающей. Они разные, но цель у них, кажется, одна.

И самое страшное, что оба были по-своему правы. Нейтралитет в СИЗО — штука хрупкая.

Вечером того же дня два враждующих лагеря — «медведи» Хирурга и «волки» Лиса — гудели, как растревоженные ульи. Стало известно, что Лис тоже ходил к фельдшеру и тоже получил от ворот поворот. Но ушел, по слухам, не злой, а... задумчивый.

Хирург, узнав об этом от своих стукачей, ослабился.

— И Лису дала? — переспросил он, и в голосе его прозвучало мрачное удовлетворение. — Молодец, девка. Нейтралитет, значит. Швейцария.

Он посмотрел на стену, за которой, он знал, находится камера Лиса. Конкуренция, которая тлела годами, теперь получила новый, взрывоопасный катализатор. И звали этого катализатора — Анна Смирнова, фельдшер.

Оба они теперь хотели её. Но не просто как женщину. Как трофей. Как доказательство собственного превосходства. Война за нейтральную территорию только начиналась.

Глава 3. Исповедь фельдшера

Я не плакала.

Даже когда за Лисом закрылась дверь, и я осталась одна в этом проклятом кабинете, похожем на аквариум — со всех сторон стекло, и каждый, у кого есть ключи, может зайти и смотреть на тебя, как на диковинную рыбу. Даже когда руки затряслись так, что пришлось сжать их в кулаки до боли, до белых костяшек.

Я не плакала. Потому что если я сейчас разревусь, то сломаюсь. А если я сломаюсь здесь, в этом мужском мире, где каждый второй готов перегрызть глотку за лишний кусок хлеба, меня сожрут. И даже косточек не останется.

Я включила чайник. Тусклый, облезлый электрический чайник, который достался мне от предшественницы — той самой Анны Павловны с дрожащими руками. Интересно, она тоже через это проходила? Или её просто не замечали, потому что она была старая и некрасивая? А может, это и есть моё проклятие — молодость и то, что мама называла «интересной внешностью». Мама говорила: «Аня, с твоей внешностью нужно или в жены олигарха, или в монастырь. Золотая середина опасна». Мама, как всегда, оказалась права. Только вместо олигарха у меня два уголовника, а вместо монастыря — СИЗО.

Я налила кипятка в кружку. Руки грелись о горячий керамический бок, и это помогало прийти в себя.

Первый — Хирург. Я запомнила его взгляд. Ледяной, пронзающий насквозь. Когда он вошёл и закрыл дверь, у меня внутри всё сжалось в тугий узел. Но я знала одну простую вещь: если покажешь страх, ты труп. Не сегодня, так завтра. Эти существа, сидящие в клетках, они чувствуют страх за версту, как акулы чувствуют кровь. Поэтому я не отводила взгляд. Поэтому я говорила жёстко, как с нашим заводделением, когда он пытается спихнуть на меня лишнюю смену.

Хирург... Он опасен. Он из тех, кто сначала делает, а потом думает. Но в его глазах, когда я выставила его, мелькнуло что-то... уважение? Или интерес? И то и другое одинаково плохо. Интерес такого мужчины к женщине в тюрьме — это не комплимент. Это приговор.

А потом пришёл Лис.

Если Хирург — открытая угроза, то Лис — угроза замаскированная. Он улыбался, говорил красиво, предлагал золотые горы. И это страшнее. Потому что Хирурга я хотя бы понимаю: он зверь, и ведёт себя как зверь. А Лис — человек. И человек этот готов использовать любые методы, чтобы получить желаемое.

Когда он сел на кушетку, развалился, как у себя дома, и начал мурлыкать про «бриллиант в навозной куче», меня чуть не вывернуло. Не от отвращения даже, а от злости. Они думают, что я вещь? Трофей, который можно выиграть в споре двух петухов?

Я взяла скальпель. Не потому, что собиралась его применять — у меня души не хватит человека резать, даже такого. А потому что мне нужна была точка опоры. Металл холодный, твёрдый, реальный. Он помогал мне помнить, кто я есть.

Скальпель — мой инструмент. Им я лечу. Им же я защищаю свои границы.

Лис говорил про передачи, про адвокатов, про «никто не тронет». Искушение, конечно. Деньги, защита, тёплое местечко. Но я не дура. Я знаю, как это работает: сначала ты принимаешь помощь, потом ты становишься должна. А потом ты уже не фельдшер Смирнова, а «подстилка Лиса». И тогда всё. Конец. Честь, самоуважение, профессия — всё в помойку.

Нет уж. Лучше я буду одна, в холодном кабинете, с вечно недовольным начальством и зеками за стеной. Но я буду собой.

Самое смешное, что когда я пригрозила Лису психушкой, я блефовала. Чистой воды блеф. Какой рапорт? Какая психушка? Начальник СИЗО — мужик себе на уме, он на мою

сторону не встанет, если против двух авторитетов пойду. Скорее меня же и уволят, чтоб не раскачивала лодку.

Но Лис поверил. Или не поверил, но оценил смелость. Какая разница? Главное — ушёл.

Я допила чай и посмотрела в маленькое, забранное решёткой окно. За ним — вечер, почти ночь. Свобода. Там люди ходят по улицам, пьют кофе, ссорятся, мирятся, живут. А я здесь. В клетке. Только моя клетка чуть просторнее, чем у них, и дверь открывается наружу, а не внутрь. Но вечером я тоже уйду домой. А они останутся.

И от этой мысли вдруг стало легче. И одновременно — тяжелее. Потому что завтра я снова приду сюда. И они снова будут смотреть на меня. Хирург — с этим новым, странным блеском в глазах. Лис — с хитрой, оценивающей улыбкой. И между ними — война.

А я — та территория, на которой они решили воевать.

Глупо. До слёз глупо. Я просто хотела работать. Я училась пять лет, работала в "скорой", видела всякое — пьяных, буйных, умирающих. Но там, на свободе, я всегда знала: если что — я вызову полицию, я убегу, я закричу. А здесь? Здесь полиция — это конвой, который откроет дверь тому же Хирургу, если он скажет нужные слова.

Я достала телефон. Сообщений нет. Мама пишет редко — боится меня отвлечь. Подруги... какие подруги? После того как я устроилась в СИЗО, круг общения сузился до размеров почтовой марки. «Ты что, с ума сошла? Работать с уголовниками?» — это был самый мягкий комментарий.

Я и сама иногда думаю: может, сошла? Но деньги нужны. Ипотека, кредит за учёбу, маме помогать. А здесь платят больше, чем в поликлинике. И вакансия была. И начальник на собеседовании сказал: «Девушка, у нас не сахар, но если справитесь — цены вам не будет».

Цены мне не будет. Ха. Меня уже оценили. Два самых опасных человека в этом здании.

Я собрала сумку. Завтра в семь утра. Новый день, новые вызовы. Надо будет проверить запасы перевязочного, уколоть диабетика из пятой камеры, выслушать жалобы симулянтов. И снова встретиться с ними.

Я посмотрела на себя в маленькое зеркальце, висящее на стене. Уставшие серые глаза, тёмные круги под ними. Двадцать пять лет, а выгляжу на все тридцать пять.

— Держись, Смирнова, — сказала я своему отражению. — Ты сильная. Ты справишься. Главное — не бойся. И не продавайся.

Я выключила свет и вышла в коридор. Конвойный проводил меня до выхода. Ночной воздух ударил в лицо, пахнувший свободой, бензином и почему-то сиренью. Июнь на дворе.

Я шла к остановке и думала: а что будет завтра? Хирург сказал: «Я ещё вернусь». Лис сказал: «Нейтралитет — штука хрупкая».

Они вернутся. Оба.

И что мне делать?

Ответа не было. Была только усталость и странное, непонятное самой себе чувство: а ведь это только начало. И самое страшное — где-то глубоко внутри, в самом тёмном уголке души, который я боялась признавать, этот страх перемешивался с чем-то ещё. С азартом.

Я никогда не чувствовала себя такой живой, как сегодня, когда стояла напротив Хирурга и смотрела ему в глаза.

Наверное, это и есть то самое безумие, про которое меня предупреждали.

Ночью мне приснился странный сон. Будто я стою посреди огромной арены, а вокруг — две клетки. В одной — огромный медведь с ледяными глазами. В другой — хитрый лис, который улыбается и манит лапой. А я должна выбрать, в какую клетку зайти.

И во сне я сделала то, что сделала бы и в реальности — развернулась и пошла прочь с арены.

Но арена оказалась больше, чем я думала. И выхода с неё не было.

Я проснулась в холодном поту.

За окном светало. Новый день начинался. И где-то там, за бетонными стенами, двое мужчин уже строили планы. На меня.

— Ну что ж, — прошептала я в подушку. — Доброе утро, Анна Андреевна. Добро пожаловать в клетку.

И пошла умываться. Потому что слёзы — это роскошь, которую я не могу себе позволить. А работа ждать не будет.

Глава 4. Медицинское вмешательство

Утро в СИЗО начиналось не с кофе. Оно начиналось с лязга замков, мата и запаха пережаренной баланды, который полз по коридорам, как туман над болотом.

Хирург проснулся затемно. Не выспался. Всю ночь в голову лезла она — эта дерзкая сучка в белом халате, которая посмела вышвырнуть его из кабинета. И ведь не испугалась. Смотрела прямо, глазами сверлила, как рентгеном. И главное — права была, зараза. По уши права.

— Колян, — рявкнул он, пихнув ногой соседние нары. — Дуй в медчасть. Скажи, у меня давление подскочило. Пусть валидол несёт.

Колян, потирая ушибленный бок, заныл: — Хирург, так она ж меня пошлёт... Она ж вчера Лиса послала. А он, говорят, аж побелел, когда выходил.

— А ты не трясись, — усмехнулся Хирург. — Скажи, что я злой сегодня. И если она не придёт, я сам приду. С заточкой.

Колян исчез быстрее, чем шмон перед праздниками.

В это же время в корпусе «Б» Лис брился маленьким зеркальцем, прицепив осколок к решётке. Настроение было хуёвое. Вчерашний разговор с фельдшерицей не выходил из головы. Она не просто отказала — она обыграла его вчистую. Его, Лиса, который из любой мутки выходил сухим и при бабле!

— Слышь, Лис, — подал голос его сосед по камере, тощий мужичок по кличке Шнифер (за длинный нос и умение вскрывать любые замки). — Ты чё такой кислый? Баба не дала?

Лис медленно повернул голову. Шнифер вжался в стену.

— Ты, Шнифер, варежку прикрой, — спокойно, но с таким холодком сказал Лис. — А то она у тебя навсегда закроется. Понял?

— Понял, понял, — закивал Шнифер.

— Лучше сгоняй до медчасти, — Лис бросил полотенце на нары. — Скажи, у Орлова аппендицит. Пусть идёт резать. Лично. Я ей доверяю.

Шнифер выпучил глаза: — Так аппендицит же... того... это ж операция...

— А ты думал, я тебя в театр посылаю? — оскалился Лис. — Шевели копытами. И запомни: если она не придёт, я тебя самого прооперирую. Без наркоза.

Через полчаса в медкабинете Анна принимала утренний «урожай». Трое симулянтов с больными спинами, один реальный гипертоник с давлением 180 на 110 и диабетик, который забыл, что колоться надо вчера, а не сегодня.

В дверь постучали. Вернее, в неё попытались вломиться сразу двое.

— Спокойно! — рявкнула Анна громче, чем ожидала. — Я не резиновая. Заходите по одному.

Дверь открылась, и на пороге возникли... оба гонца. Колян, тощий и испуганный, и Шнифер, длинный и ещё более испуганный. Они застряли в дверях, как два кота в одной банке.

— Я первый! — пискнул Колян. — Нет, я! У нас аппендицит! — Шнифер попытался отодвинуть Коляна локтем. — А у нас давление! Хирург злой, он убьёт!

Анна посмотрела на эту комедию и вдруг расхохоталась. Громко, искренне, запрокинув голову. Мужики замерли.

— Вы серьёзно? — спросила она, вытирая слёзы. — Вас двоих послали два главных авторитета этого гадюшника, и вы не можете даже в дверь протиснуться?

Колян обиженно надулся: — Так она узкая...

— Ладно, — Анна вздохнула и встала. — Передайте своим клоунам следующее. Хирургу: если у него давление, пусть жуёт свою злость. Это лучшее лекарство от гипертонии. А если не поможет — пусть идёт в санчасть, я выпишу ему успокоительное. Для особо опасных.

Она перевела взгляд на Шнифера: — А Лису передай: аппендицит лечат хирурги. Я фельдшер. У меня даже скальпеля нормального нет, только для яблок. Но если он так хочет, чтобы я его порезала, я могу. Только не аппендицит, а кое-что другое. То, что у него между ног болтается и мозги заменяет. Говорят, после такой операции мужики добреют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.